

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Участники: М.А. Маслин, В. Меденица, В.В. Сербиненко
Организатор проекта и ведущая – Ю.В. Синеокая

Маслин Михаил Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: rf@philos.msu.ru

Меденица Владимир – философ, литературовед, главный редактор издательства «Логос». (Сербия, Белград). Улица Чингрижина, номер 11/11, 11000 Белград, Сербия; e-mail: vladimirmedenica@yahoo.com

Сербиненко Вячеслав Владимирович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной философии. Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, д. 6; e-mail: v.v.serbinenko@gmail.com

Синеокая Юлия Вадимовна – доктор философских наук, профессор, заведующая сектором истории западной философии. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: sineokaya@iph.ras.ru

Участники в ходе беседы рассмотрели ряд вопросов, касающихся как географического, так и социокультурного и проблемного пространств русской философии; постарались обозначить некоторые «опорные точки», с одной стороны, характеризующие, специфику именно отечественной философской традиции, а с другой – вписывающие ее в общее русло философии мировой. Диалог историков русской философии содержит ответы на ряд существенных вопросов: что русского в русской философии? Каковы основные проблемы русской философии? В чем национальное своеобразие русского философского мышления? На каких языках существует русская философия (кроме русского языка)? Каково отношение русской философии к философии Запада и Востока? Почему русская философия так популярна в славянском мире? В чем актуальное содержание русских философских идей сегодня?

Ключевые слова: русская философия, российская философия, отечественная философия, история философии, национальная и культурная идентичность, Russian studies

Ю.В. Синеокая. Тема нашей сегодняшней встречи в рамках нового цикла философских бесед «Реплики» проекта «Анатомия философии: как работает текст» – «Русская философия в России и за рубежом». С нами два известных историка отечественной мысли – профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ Михаил Александрович Маслин и профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой отечественной философии РГГУ Вячеслав Владимирович Сербиненко. Не часто случается так, что два маститых знатока русской интеллектуальной истории, два представителя крупнейших и уважаемых университетов России собираются вместе специально для того, чтобы выступить перед широкой аудиторией и в живом диалоге размышлять и спорить о существовании отечественной философии, представить публично свое видение острейших проблем, с которыми сталкиваются в наши дни историки русской мысли как на внутреннем пространстве нашей страны, так и за ее границами. Сегодня нам очень повезло еще и потому, что в Москву приехал и согласился принять участие в нашей дискуссии подвижник и знаток русской философии из Сербии Владимир Меденица. Господин Меденица – основатель издательства «Логос» в Белграде, им издано уже более двухсот текстов по русской философии на сербском языке. Думаю, что имею полное право назвать Владимира Меденицу просветителем и проводником русской философии в сербскую культуру. Спасибо, что Вы нашли возможность принять участие в проекте «Реплики». Начнем нашу беседу.

М.А. Маслин. Здравствуйте. Ну что же, название беседы правильное, так как русская философия существует не только в России и не только на русском языке. Кроме славянских языков, это и церковнославянский, и латынь, и все основные европейские языки, т. е. английский, немецкий и французский, и конечно, русский язык, на котором писали не только русские, но и некоторые славянские авторы. Так что русская философия существует не только в России, но и за рубежом, тем более что русские, наверное, – самый большой в мире разделенный народ, и многие русские живут за рубежом, пишут и на русском языке, и на других языках. Самая большая литература на русском языке вне России – украинская. А кто на третьем месте по количеству литературы о русской философии? Польша. На польском языке выходит очень много литературы о России, и поляки вообще традиционно не только «руссофобы». Среди поляков есть и «руссофилы», настоящие знатоки и друзья русской философии, такие как всемирно известный историк русской философии, ныне здравствующий академик Польской Академии Наук Анджей Валицкий.

Изучают русскую философию и в Азии. Можно сказать, что Китай сегодня стал одним из мировых центров исследования русской культуры, литературы и философии. В 2013 году я прочитал в Пекине полный курс истории русской философии, у меня был очень квалифицированный переводчик, Чжан Байчунь, ведущий исследователь философии Бердяева в Китае. Он перевел все основные тексты Бердяева на китайский язык. Благодаря его переводческой деятельности существует больше текстов Бердяева на китайском языке, чем на английском! Даже такая сложная, посмертно изданная работа Бердяева, как «Опыт эсхатологической метафизики», переведена им на китайский. Есть соответствующие специалисты в Индии, в Японии. Некоторые из них учились в Московском университете.

Когда-то пальма первенства в области русистики принадлежала США. В 1958 г. американский Конгресс принял федеральный «Закон об образовании в интересах национальной обороны» (National Defence Education Act), согласно которому на изучение России выделялись огромные средства. Понятно, почему закон был принят в 1958 г., ведь в 1957 г. СССР запустил спутник и это произвело на американцев колоссальное впечатление. Целое поколение молодых ученых связало свою жизнь с изучением России и русской культуры, в том числе философии. Это «послеспутниковое поколение» выросло «как на дрожжах», в Штатах было образовано более 200 центров по изучению России, практически при каждом университете существовал свой, пусть небольшой, русский центр. Они возникли не на пустом месте: после войны в США осело очень много русских эмигрантов, первоклассных знатоков русской философии, богословия, истории. Достаточно назвать два имени: Георгий Петрович Федотов и Георгий Васильевич Флоровский. Возьмем переведенную на русский язык книгу одного из ведущих знатоков России Джеймса Биллингтона, который занимает очень большой пост в администрации США – директора Библиотеки Конгресса. Книга называется «Икона и топор. Опыт интерпретации русской культуры». Буквально в первых строчках этой толстой монографии Биллингтон выражает свою благодарность профессору Георгию Флоровскому, без участия которого не могла бы появиться эта книга. Дело в том, что Флоровский работал в самых крупных и престижных американских университетах – Колумбийском, Гарвардском, Принстонском – и везде занимался Russian studies, воспитал целое поколение исследователей России. Эта первая волна американской русистики была, пожалуй, самой успешной, так как еще были живы русские эмигранты, которые передавали свои знания. Надо сказать, что с распадом Советского Союза волна исследований России в Соединенных Штатах спала. Сейчас она переместилась туда, где она зарождалась, а зарождалась она, конечно, в Европе.

Первая книга о русской философии, выпущенная в Европе, принадлежала европейцу славянского происхождения, подданному Австро-Венгрии, философу Томашу Гарригу Масарику – это первый президент Чехословацкой республики, который в 1913 г. в Вене на немецком языке издал двухтомник о русской философии и первым ввел в западное сознание такую фигуру, без которой сейчас не обходится ни одно исследование о русской культуре и философии. Разумеется, речь идет о Федоре Михайловиче Достоевском. Масарик строил свое исследование вокруг Достоевского. Он дважды встречался с Толстым, знал многих русских философов того времени и планировал, что его книга будет издана на русском языке – Первая мировая война помешала, она разделила славян на враждующие стороны. Масарику очень активно помогал Эрнст Львович Радлов, друг и биограф Владимира Сергеевича Соловьева, автор «Очерка истории русской философии» (1912). И доказательством того, что Масарик был близко знаком со многими русскими философами, может послужить тот факт, что он стал членом «Московского Психологического общества» при Московском императорском университете. Для общения в этом обществе он даже взял русифицированное имя, называл себя Фома Осипович. Славяне очень многое сделали для того, чтобы познакомить Европу с русской мыслью. Здесь присутствует мой друг Владимир Меденица, он издал около двухсот книг – почти вся русская философия в Сербии издана этим человеком.

В контексте темы сегодняшнего разговора упомяну о недавно состоявшейся исторической встрече Папы Римского Франциска и Патриарха Кирилла на Кубе. Дело в том, что западный мир, мир католический, тоже внимательно изу-

чает русскую философскую мысль. Кардинал Томаш Шпидлик (1919–2010), чех по этническому происхождению, явился ведущим специалистом Ватикана по идейному наследию восточного христианства в XX–XXI вв. У Шпидлика были очень тесные связи с Россией, в 1988 г. он, например, присутствовал в качестве представителя Святого престола на праздновании тысячелетия Крещения Руси. Несколько раз он был принят святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. В 1993 году Общество Византийских Исследований Санкт-Петербурга избирает его своим почетным членом. Книга кардинала Шпидлика «Русская идея: иное видение человека» является всемирно известным исследованием русской философско-богословской мысли, переведенным на различные европейские языки. Шпидлик – крупнейший знаток восточного христианства и русской философско-богословской мысли, автор более двадцати научных монографий. Для Шпидлика обращение к теме русской идеи в контексте русской истории и культуры является аргументом в пользу сравнения, а не противопоставления и разъединения христианской России и христианской Европы. Во введении к своей книге Шпидлик пишет: «Нашу задачу можно объяснить следующим образом: когда Петр Великий решил обновить великую царскую Империю, он исходил из определенной “идеи” европейского Запада. Он хотел привнести в Россию то, что сам выбрал на Западе среди стольких вещей и что, как ему казалось, могло привнести в его страну то, чего ей тогда недоставало. Приблизительно так же мы смотрим на Восточную Европу со стороны Запада: мы тоже имеем о ней определенную “идею” и намерение найти на славянском Востоке те начала, которых, как нам кажется, недостает духовной жизни и цивилизации Западной Европы и которые могут быть сюда привнесены»¹. Вопреки рассуждениям о том, что Россия погрязает в своих внутренних проблемах и неинтересна для остального мира, в области интеллектуальной мы видим противоположное: интерес к России растет, причем растет довольно быстро, и не только и не столько в Европе, сколько в Азии. Если согласиться с утверждением аналитиков о том, что XXI в. принадлежит не Европе, а Азии, то нетрудно заметить, что именно в Азии есть большой интерес к русской культуре. Так что существуют серьезные перспективы для дальнейшего распространения в мире идей русской философии, как представляется многим.

Ю.В. Синеокая. Спасибо. Вячеслав Владимирович, все-таки русская философия в России и за рубежом – это одно и то же? В Европе, в Азии, в Америке и в нашем отечестве?

В.В. Сербиненко. В целом я согласен с той картиной, которую нарисовал Михаил Александрович, немного добавлю. Так, я назвал бы еще Джорджа Клайна, не так давно ушедшего из жизни выдающегося американского слависта, исключительно много сделавшего для изучения русской философии на Западе. Ему, как известно, принадлежит первый перевод на английский язык «Истории русской философии» В.В. Зеньковского. Дж. Клайн был и, конечно, остается почетным членом Общества историков русской философии им. В.В. Зеньковского, которым мы с Михаилом Александровичем коллегиально руководим последние пятнадцать лет. Кстати, думаю, что было бы уместно здесь и сейчас поздравить Михаила Александровича Маслина, который буквально вчера стал лауреатом премии Николая Александровича Бердяева.

Сам факт существования данной премии – явление отградное. Так же, как и проведение «Бердяевских чтений», издание журнала «Самопознание». Мы с коллегами участвовали в чтениях во Владивостоке, посвященных «восточ-

¹ Шпидлик Т. Русская идея: иное видение человека. СПб., 2006. С. 13.

ной» теме в русской культуре и философии. Это был очень серьезный и плодотворный научный форум². Тем не менее, как мы знаем, оценки творчеству Бердяева, давались и даются различные, в том числе и резко критические. Ситуация, как представляется, совершенно нормальная. А вот что лично мне кажется совсем необязательным в нашей культурной и интеллектуальной ситуации, так это довольно-таки бессмысленные дискуссии о том, кто в первую очередь заслуживает памятника, чьим именем премию назвать и т. п. Бердяев – одна из самых спорных и проблематичных фигур в истории философии мировой и уж точно русской философии. Но я-то считаю, что это здорово, что фигура такая спорная. И, возвращаясь к началу нашего разговора, думаю, что надо учитывать, что деление на русскую и зарубежную философию достаточно условно. Это условно и в целом по отношению к русской культуре. «Раздрал завесу между Европой и нами», – писал Карамзин и отнюдь не о петровских реформах, а о правлении Ивана III. Полной же изоляции никогда и не было. Если говорить об истории философии, понятно, что Ф. Бэкон был прав: никаких «идолов театра», «идолов авторитета» здесь быть не может. Давались и будут даваться резкие оценки творчеству Бердяева или, допустим, Вл. Соловьева. Ну и что особенного? Для истории философии – вещь вполне обыденная. «Противный маленький профессор» – это сказано о Гегеле, и сказано не где-нибудь в соцсетях, а *другим* замечательный философ. «Истерический романтизм в сочетании с брутальным варварством» – эта известная характеристика философии Хайдеггера и, заодно, Ясперса, данная К. Поппером. Примеров такого рода можно привести сколько угодно.

Резким оценкам в истории философии, может быть, и не стоит придавать слишком серьезное значение. У Михаила Бахтина в его замечательном последнем большом интервью, где он, в частности, подчеркивает, что считает себя именно «философом», «мыслителем», есть понятие «абсолютного сочувствия»³. Абсолютное сочувствие, согласно Бахтину, – это то необходимое условие, при котором действительно возможно понимание личности. В том числе и, может быть, даже в первую очередь личности в мире культуры и, конечно, философии. Собственно, и Владимир Соловьев (так часто упрекаемый в «антиперсонализме») акцентировал тот же момент, когда подчеркивал, что философия всегда есть дело личного разума, личного творчества. История философии личность философа всегда будет интересовать. Но именно личность, а не эмпирическая данность биографии. Задача понимания *личностного* в философии исключительно сложна. Бахтинское «абсолютное сочувствие» на этом пути – важнейшая предпосылка того, чтобы путь в итоге не оказался тупиковым.

Это *сочувствие* не психологического и уж тем более не идеологического порядка. У него скорее метафизическая природа. «Я бесконечно люблю мир идей...» – писал В. Зеньковский. Эта любовь пронизывает его «Историю» и позволяет понять ценность личностного творчества самых разных русских мыслителей, в том числе и отнюдь не близких автору. Даром метафизического сочувствия, несомненно, обладал и Дж. Клайн. Об этом свидетельствуют многие его работы, в частности о Вл. Соловьеве.

По сути, последние двадцать лет исследователями в России и, конечно, в определенной мере, за ее пределами решалась одна фундаментальная задача: восстановление реального многообразия нашей культурной и интеллектуаль-

² См.: Россия и Азия. Векторы цивилизационного развития. Четвертый форум «Бердяевские чтения». М., 2015.

³ См.: Бахтин М.М. Беседы с В.Д. Дувакиным. М., 2002.

ной традиции. Ее искусственное «сужение» прежними идеологическими схемами становилось уже совершенно очевидным. Один личный пример. Когда я в начале 80-х гг., обратившись к исследованию восточной темы в русской философии, читал в солидной монографии о том, что Лев Толстой не имел ничего общего с такими реакционными авторами, как Владимир Соловьев, то просто не знал, как это понимать. Соответственно, первоочередная задача двадцать лет назад заключалась в восстановлении того исторического единства и многообразия русской мысли, о котором постоянно и интересно говорит М.А. Маслин. Как представляется, очень многое реально было сделано.

И, конечно, проблема в данном культурном контексте заключалась не в том, чтобы выбрать, допустим, Бердяева как крупную фигуру и его кому-то противопоставлять, а именно в абсолютном сочувствии к отечественной философской культуре и к личностям тех, кто ее развивал. Я убежден, что она и они этого заслуживают. Есть противоположные тенденции в понимании русской философии, но они есть везде. Только что Виктория Лысенко, наш ведущий индолог, рассказывала мне о противоречиях в понимании индийской философии в современной Индии ввиду каких-то политических реалий. Эти ситуации возникают постоянно. Но они не должны преобладать: если мы понимаем и ценим определенное явление культурной традиции, то его нельзя отбрасывать, тем более по каким-то психологическо-идеологическим мотивам. И любой критический анализ безусловно допустим и необходим, но не для того же, чтобы найти избранных, самых «правильных». Поиск избранных и наилучших – задача всегда неблагодарная. Наша культурная традиция заслуживает сочувствия и понимания, как и иные значительные культурные традиции. Кстати, в истории русской мысли немало примеров такого личного отношения и к собственной культуре, и к иным культурным мирам. Они хорошо известны. В определенном смысле это и есть «русская философия в России и за рубежом»: будущий славянофил И. Киреевский слушает лекции Гегеля в Германии, сначала с трудом – пишет матери, что немецкий язык у него еще не очень хорош, потом пьет с Гегелем чай. «Западник» Чаадаев еще до того, как стать автором «Философических писем», слушает Шеллинга и переписывается с ним. Когда же Чаадаев умирает, лидер славянофилов Хомяков совершенно искренне пишет о нем прекрасные слова. И мы видим, что он *понимает* своего оппонента. И таких примеров очень много. Задача же исследователя всегда заключается в понимании, собственно это и есть задача наук о духе, гуманитарных дисциплин. Ценность же итоговых вердиктов, кто бы их ни выносил, не стоит преувеличивать.

М.А. Маслин. Очень важное добавление. Не надо забывать, что в имперский период в России были многие этнически нерусские мыслители, которые писали на русском языке. Например, Соломон Додашвили, грузинский автор, написал учебник логики, по которому занимались во всех семинариях России. Логика, как известно, – одна из базовых философских дисциплин. Мирза Фатали Ахундов – оригинальный азербайджанский философ, тоже писал на русском языке. Армянин Микаэл Налбандян, казах Чокан Валиханов и многие другие представители нерусских национальностей, связанных с Россией общностью исторической судьбы, внесли свой вклад в культуру России... Об этом не надо забывать сегодня, хотя некоторые националистически настроенные, так скажем, этнократы новых независимых государств об этом забывают. Но у нас есть общая интеллектуальная история.

Ю.В. Синеокая. Да, это зафиксировано даже в названиях кафедр разных институций: философия русская, российская, отечественная, народов СССР (так раньше называлась Ваша кафедра в МГУ), это показательно и важно.

Вообще вопрос «кто я по национальности?» – это вопрос о культуре: в какой парадигме человек думает, какие фундаментальные вопросы себе задает, речь идет именно об этом, а не о национальности в узком смысле слова, что в большей степени осталось уже в традиции XIX в....

Теперь у меня вопрос к Владимиру Меденице: почему Вы заинтересовались русской философией, как случилось, что Вы выбрали ее как предмет исследования и посвятили ей Вашу жизнь и работу?

В. Меденица. Попробую ответить. Если говорить о сербском интересе к русской философии как к чему-то зарубежному, то можно говорить об этом только в территориальном смысле, так как Сербия по вере, по культуре – близкородственная России страна. Я сижу между своими родственниками. Мы с ними не виделись двести пятьдесят лет, и вот встретились. Лучший, по моему мнению, сербский писатель XX в., Милош Црнянский, в романе «Переселение народа» пишет о сербах, которые служили в австрийской армии с одной мечтой – о свободе Сербии от турецкой власти, о том, чтобы они могли вернуться в родной край. И они говорят: если это невозможно, если мы не сможем вернуться в Сербию, пойдём тогда в Россию. Главный герой Вук Исакович и его наследники приезжают в Россию, где родился славянофил Хомяков. Усадьба Хомякова в Богучарово... Это же сербская топонимика! Около моего родного города в Воеводине есть тоже Богучарово. Это наши общие названия. Юг России заселяли наши люди. И здесь, в русской философии, я также среди своих. Почему так много книг русских философов переведено в Сербии? Я думаю, Сербия здесь лидер. В Сербии все важное, классическое переведено: русский духовный Ренессанс, русский марксизм, Лосский, Бердяев, учебники по русской философии; все лучшее из Флоренского, Федоров, Карсавин. Розанов переведен в меньшей степени, поскольку его язык очень сложен для перевода, его лучше читать по-русски. Его язык – это язык цельной философской личности.

Интерес к русской философии в Сербии – не просто научный, это та мудрость, которую мы любим. Русская философия дает целостное ощущение сердца, духа, эмоций в их единстве. Совокупность человеческой мудрости, выраженной в высокохудожественной форме, – вот что дает нам русская философия. Она дает ответ на вопрос о смысле человеческой жизни. В западной философии этот вопрос – так, как в русской философии, – никогда не ставился. Евгений Трубецкой, Семен Франк писали об этом, и мы это перевели. Это не просто интерес к знанию. В русской философии есть то, что у нас называют «духовитым человеком», то есть человеком духовным, настоящим. Есть две крайности – спиритуализм и материализм. Русское мировоззрение (это термин не мой, а Семена Франка) стремится к преодолению этих крайностей. Что еще я могу сказать? В русской философии – исток нашего существования, нашего желания, мышления. Есть две ветви одного дерева – русская и сербская, но корень один, культура едина. Как говорит Павел Исакович в упомянутом мною романе, когда умирает: много нашего народа осталось в Воеводине, мало нашего народа приехало в Россию, но это не исчезнет, это останется, кровь наша будет питать будущие поколения. Истина – это от «есть» – слово славянского корня, обозначающее одновременно и бытие, и то, что мы едим, чем питаемся. Это то, что принято называть онтологизмом русской философской мысли. Ибо истина существует, ее надо отыскать. В русской философии мы, сербы, находим эту истину, это наше братство по крови, по духу, по языку и по вере.

Ю.В. Синеокая. Спасибо. Я бы хотела задать вопрос всем участникам дискуссии: на каком основании мы можем говорить о русской философии как едином феномене? Ведь в отечественной традиции есть разные течения

и школы мысли, очевидно, что разные культурные поколения российской интеллигенции отстаивали различные ценности: я имею в виду классических идеалистов XIX в., материалистов, народников, богоискателей, деятелей Серебряного века, отечественных философов XX в. в эмиграции, – ведь это отдельная большая тема – философия, развивающаяся вдали от дома, – философия советского и постсоветского периодов... Все это очень разные направления. Их объединяет только лишь язык или есть внутреннее единство? Как российская интеллектуальная традиция связана с сегодняшними оригинальными отечественными мыслителями?

М.А. Маслин. Совершенно справедливо поставлен вопрос о русской философии советского периода. Понятно, что Бердяев и Соловьев – одни из самых известных в мире русских философов. Но я задал вопрос аудитории: кто самый цитируемый сейчас русский философ? Это легко выяснить, есть индекс цитируемости, он замеряется. Оказывается – это мыслитель советского периода. Нет, не Ленин. Бахтин, совершенно верно! Есть такая книга «Бахтин: pro et contra», там в конце библиографический указатель: более тысячи работ опубликовано на иностранных языках о Бахтине. Он, конечно, не советский мыслитель, но полностью уместается в советский период. И он воспринимается в мире как русский философ. В советское время работал и Алексей Федорович Лосев, и большая часть страдальческой судьбы Павла Флоренского приходится на этот период.

В.В. Сербиненко. По поводу Бахтина и в связи с вопросом о роли и значении идей русских философов в мировом философском процессе. В известнейшей книге Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Что такое философия?» никакой особой русской темы нет. Ну, может быть, не считая реплики о сошедшем с ума в России Декарте. Но это конкретная отсылка к позиции Л. Шестова и ничего более. Кроме Шестова еще семь русских имен. Художники, писатели, композиторы... Безусловно, Чехов и Толстой. Ничего о философии Толстого или, допустим, о какой-то мировоззренческой позиции Чехова там нет – но мотивы их художественной философии, так же как мотивы творчества, например, Кандинского и Стравинского совершенно органично и как бы даже с неизбежностью возникают в этом, можно сказать, философском завещании Делёза. О Бахтине же речь идет дважды и отнюдь не оценочно, а по существу, не просто так – очень конкретно, в связи с развитием мысли самого Делёза. Можем найти и другие связи, сформулировать некоторые гипотезы по поводу возможного влияния русской культуры и русской философии – помимо очевидных, например таких, как Бердяев и французский персонализм. Русская интеллектуальная культура существует в русле мировой культуры далеко не только в исследованиях, специально ей посвященных.

М.А. Маслин. Есть достаточно много философов не со славянскими именами, которые являются русскими и тема философствования которых чисто русская. Есть такой русско-еврейский автор, который писал на французском языке, Владимир Янкелевич. Автор замечательной философской монографии «Смерть». Так вот, она построена на материале русской философской мысли: «Смерть Ивана Ильича», «Странная история» и многое другое... Александр Койре, знаменитый философ науки, тоже известен как французский философ, но он русский по происхождению и тоже писал о русской философии. Другой пример: Александр Кожев (Кожевников). Он пользовался огромным влиянием во Франции и как философ, и как политик. Он – автор идеи единой Европы, и он научил Европу снова любить Гегеля, когда о нем забыли. И мой любимейший пример – Питирим Алексан-

дрович Сорокин, который больше известен как виднейший социолог XX в. Последнее десятилетие своей лет жизни он посвятил в основном русской философии – Толстому, Достоевскому, Соловьеву. Это поистине русско-американский или американско-русский мыслитель.

В.В. Сербиненко. Можно еще одну реплику? Она, конечно, не о русской философии, но о русской культуре. Недавно была в Москве защищена диссертация о художественной философии В. Набокова. Диссертация филологическая, в ней рассматривается поздний Набоков, исключительно его американские тексты. В связи с этим даже возникла коллизия в ученых советах Москвы: по зарубежной литературе защита или все же по русской? Любят американцы Набокова, Рахманинова, считают их своими. Замечательно. Печально другая ситуация. Пагубно любое идеологическое сужение собственной национальной культурной традиции, где бы это ни происходило. Допустим, Леся Украинка, Иван Франко, Шевченко – достойные деятели культуры. Кто спорит? Их таким образом и в советской школе изучали. Но Гоголь – это же совсем иное измерение! Я был в конце 90-х гг. в Киеве на конференции, посвященной киевлянину Н. Бердяеву. Конференция была прекрасная, но уже тогда ее организаторы сталкивались с немалыми идеологическими трудностями. Тенденция была достаточно очевидна. Киевляне П. Юркевич, С. Булгаков, М. Булгаков, Л. Шестов, В. Зеньковский и многие другие – это давно уже персонажи не только отечественной, но и мировой культуры. Сам выбор между, скажем, И. Франко и кем-то из них кажется сегодня просто абсурдным. Я уже не говорю о Гоголе... Все это выглядит как пародия на советскую ситуацию, когда надо было делать идеологический выбор между, например, Чернышевским и Вл. Соловьевым, причем, само собой, в пользу первого. Сужение культурной традиции – это всегда плохо. Разное отношение может быть к Чернышевскому. Я не думаю, что единственный вариант такого отношения – это набоковская пародия в «Даре». Тот же Владимир Соловьев, будучи последовательным критиком позитивизма и материализма, увидел в диссертации Чернышевского «первый шаг к положительной эстетике».

Ю.В. Синеокая. Сейчас выходит исследование, которое, может быть, изменит несколько угол зрения на Чернышевского: Владимир Карлович Кантор закончил книгу о Чернышевском для серии «Жизнь замечательных людей». Думаю, выход этой монографии станет большим событием, в ней будут переосмыслены многие стереотипы.

М.А. Маслин. Я недавно был в Саратове, и всех приглашаю посмотреть на сохранившееся настоящее, «поповское» священническое гнездо. Поскольку в советское время с пиететом относились ко всему, что связано с Чернышевским, там сохранились дома нескольких поколений священников, они занимают целый квартал: там родился А.Н. Пыпин, академик Петербургской академии наук, двоюродный брат Чернышевского, там родилась мать Чернышевского; там находится великолепный музей, где показаны даже первые прописи Чернышевского, не на русском – на персидском. Он изучал персидский, арабский и татарский языки и хотел поступать на востоковедческий факультет. В его комнате иконостас, Чернышевский ни в коей мере не был атеистом. Интересно, что последние слова, какие он произнес перед смертью, уже в бреде, были такие: «Что это за книга? В ней нет ни слова о Боге». Видимо, семинарская закалка сказалась.

Ю.В. Синеокая. И неожиданно.

М.А. Маслин. Неожиданно, да. Он читал все подряд, на разных языках, так что установить, что это была за книга, уже невозможно...

Ю.В. Синеокая. Михаил Александрович, я бы хотела обратиться с вопросом ко всем, но к Вам прежде всего, потому что именно Вы упомянули, что русская философия сегодня популярна на Дальнем Востоке. На днях мне придется выступать оппонентом на защите докторской диссертации, посвященной Н.Н. Страхову, – в библиографии к этой диссертации есть два исследования творчества Н.Н. Страхова на китайском языке, меня это поразило. Так почему же, на Ваш взгляд, обратились китайские и японские философы к России? Что это – интерес к иной культуре вообще или есть за этим какая-то насущная экзистенциальная потребность?

М.А. Маслин. Есть такое востоковедческое понятие: постнеоконфуцианство. То, что сейчас в Китае выступает под названием «китайской мечты», – это не что иное, как постнеоконфуцианство. Это опора на древнее учение, древнюю мудрость. Эта идея, которую недавно провозгласил Си Цзиньпинь, генеральный секретарь КПК, эта китайская мечта является попыткой сформулировать то, что у нас называли национальной идеей. А там ее не надо формулировать, она уже есть в некоторых базовых понятиях древней китайской мудрости. Но одновременно китайцы обращают внимание на аналогичные поиски на Западе и в России. Отсюда их интерес к русской мысли, поскольку Китай занят формулировкой национальной идеи. Это очень интересное движение мысли. Собственная метафизика уже есть, а каков путь развития, на что опираться? На рыночные методы ведения хозяйства, которые в Китае и так уже суперрыночные? Если и дальше идти по этому пути, то, как говорил один американский исследователь Китая, понадобится другая планета... Если понимать китайскую мечту в американском исполнении – то есть машина у каждого члена семьи, большой дом, биг-мак для каждого, то, действительно, понадобится другая планета. Поэтому китайцы опираются на понятие «сяокан», то есть достаточное, разумное потребление. Русская идея – это не идея доминирования, этнического превосходства, китайцам импонирует то, что это идея скромного человеческого достоинства, она очень близка китайцам. Я сейчас процитирую последнюю фразу из «Уединенного» Розанова, которая мне представляется абсолютно гениальным выражением сути русского сознания. «Никакой человек не заслуживает похвалы, а каждый заслуживает только жалости». Это китайцам очень нравится.

В.В. Сербиненко. Несмотря на все различия (личностные и философские), между розановской *жалостью* и бахтинским *сочувствием* есть нечто общее.

М.А. Маслин. У меня китайская аспирантка сейчас начинает работать над Розановым. Еще одна моя китайская аспирантка Ли Хайань защитила в МГУ диссертацию по теме «Теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского в России и Китае». (А Данилевский, как известно, впервые сформулировал понятие «китайский культурно-исторический тип».) Другой мой китайский аспирант, Лю Цзоюань, защитил диссертацию «Метафизика русской идеи в творчестве Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева. Взгляд из России и Китая». Китайцы очень интересуются Россией. Если они что-то изучают, значит, им это нужно. Наука там сейчас развивается высокими темпами. Китайский профессор – это действительно представитель среднего класса, он сравнялся с западными коллегами.

Ю.В. Синеокая. А как же достойная бедность?

М.А. Маслин. Правильнее сказать, не «достойная бедность», а достаточное потребление. А рыночная экономика не может развиваться без ориентации на консьюмеризм. Но в Китае ставится задача достижения не достойной

бедности, а достаточного потребления. Одновременно идет активная борьба с коррупцией. Я тут узнал, что китайским чиновникам полагается иметь кабинет определенного размера – но не более. Так что в каком-то смысле Китай – это наше будущее. В каком именно – это уже другое дело...

В. Меденица. Немного добавлю. Русский философ Федоров уже в XIX в. говорил о новом экологическом сознании, о нужности спасения природы, иначе человечество постигнет неизбежный апокалипсис. Природа слепа, ее надо регулировать, возвращаться к ней, чтобы обеспечить жизнь. Нет никаких инопланетных существ, которые могут осуществлять регуляцию природы. Мы сами должны спасти Землю для будущего и настоящего человечества. Вот основа нового экологического сознания, основа ответственности людей. Если бы западный мир был бы по-настоящему открыт для новых идей, то обратил бы внимание на русскую идею регуляции природы. Философия – вселенское дело. Она может быть школьной, схоластической, но может быть и жизнесмысловой. Как у Хармса, у обэриутов. В этом ряду Малевич, Кандинский, супрематизм. В этом ряду великие русские писатели – Толстой, Тургенев, Чехов. Это родники духа, хотя это и не профессиональные философы, но это источники мудрости. Русская философия – это мировая философия. Почему ей мало занимаются на Западе – я не знаю. Сопоставьте идеи Бердяева и Сартра, Федорова и Хайдеггера. Вы найдете перекличку идей. На самом деле в русской философии много интересного и для Запада. В Сербии у нас эти идеи долгое время запрещались. Сейчас мы это узнали, но сколько времени зря прошло...

М.А. Маслин. Мы сами виноваты, что не ценим то, что есть в русской культуре и в русской интеллектуальной традиции. Ты назвал Чехова... На Западе Чехов известен как интеллектуал, он чрезвычайно известен и чрезвычайно популярен. Чопорные британцы как драматурга его ставят сразу после Шекспира! Они восхищаются им как интеллектуалом, а у нас до недавнего времени не было ни одной философской диссертации о Чехове. Я горжусь тем, что моя аспирантка Ольга Родионова написала весьма качественную диссертацию о Чехове. Но этого маловато. Другой пример: Пирогов Николай Иванович. Великий русский врач. Но он оставил замечательное философское наследие, которое чрезвычайно высоко оценил Франк, написавший специальную статью «Пирогов как религиозный мыслитель». Память о Пирогове-враче увековечена в России. Но как мыслитель Пирогов недооценен до сих пор. То, что он выдающийся мыслитель, многие даже не знают. До многих вещей, к сожалению, не доходят руки.

Ю.В. Синеокая. Если мы обратимся к современным (рубеж XX–XXI вв.) историко-философским исследованиям, то станет очевидна следующая картина: в годы горбачевской оттепели и Перестройки наблюдался взлет интереса к наследию русского Серебряного века, к религиозной философии; на заре нынешнего XXI столетия очевиден поворот к русской консервативной мысли XIX в. Как вы думаете, что нас ждет в ближайшее десятилетие, что окажется в моде, какие будут востребованы имена, проблемы, какая полоса из отечественной истории?

М.А. Маслин. Я могу высказать только свое мнение. О том, что очень нужно сейчас России, даже с точки зрения экономической. У нас практически в полузабытом состоянии находится изучение самого длительного в интеллектуальной истории России идейного течения, народничества. Как известно, последний выдающийся роман Горького – «Жизнь Клима Самгина» – имеет подзаголовок «Жизнь на 40 лет». Вот это как раз период народничества. На-

родничество оказало огромное влияние на формирование ментальности интеллигенции. Теория кооперации, вообще забота о благополучии российского народного хозяйства была разработана именно народниками. Самая массовая политическая партия в России – это эсеры, социалисты-революционеры, которых, как известно, большевики как своих политических противников отстранили от власти. Сейчас, когда происходит импортозамещение, самое время обратиться к наследию народничества, которое очень много на этот счет сказало. Я считаю, что народничество незаслуженно забыто. Как известно, Сталин объявил народничество злейшим врагом марксизма, что абсолютно не соответствовало действительности. Все, что было связано с народничеством, в советское время было запрещено, новые робкие попытки вернуться к его изучению были в 1960-е годы. А с распадом СССР все это снова было забыто. Народничество обязательно надо вспомнить, вернуться к его изучению.

В.В. Сербиненко. Если речь идет о нормальном историко-философском процессе, то я думаю, что этот процесс уже идет достаточно долго, уже достигнуты определенные результаты и все это будет продолжаться. Другое дело, что далеко не только в России, но всегда и везде от философии ждали не только интеллектуальной тонкости и научной точности. Кому нужна философия, если она не ведет человека к истинному благу? – говорил Кант. Но, конечно, это мог бы сказать и Конфуций, и кто-то из русских философов. Для истории философии очень важны моменты, выражаемые словами: «Я читал эту книгу так, как будто каждая страница писалась для меня». В данном случае – это Ницше, читающий Шопенгауэра. Или он же – Достоевского. Огромно влияние Вл. Соловьева на культуру Серебряного века... Термин «влияние» для понимания таких ситуаций не слишком удачный... Не могут быть просто группы современных философов, которые будут решать – какие книги читать молодежи. Мы это проходили. Это имело место, ничего из этого хорошего не получается. Никаких манипуляций сознанием, тем более в философской сфере. Противоречивый Бердяев? Допустим. Но такой метафизической апологии свободы в истории мировой философии, возможно, больше нет. Пусть читают, думают, находят противоречия, идут своим путем. Главное, чтобы мысль оставалась творческой, а не превращалась, согласно известной метафоре Хайдеггера, в нечто подобное «дохлой рыбе».

Поэтому, думаю, можно рассчитывать на самые разные, главное – свободные и творческие варианты отношения к философии, в том числе и к русской. Кто-то будет увлечен Шопенгауэром или Делёзом, кто-то, допустим, Розановым. Для кого-то Розанов будет пустым местом, он будет говорить: «ну, вот Фрейд, а где-то там Розанов»... Но это всего лишь мнения и оценки, и ценность их невелика. Можно сказать, что есть известные работы, в том числе зарубежных исследователей, в которых эти мыслители (Розанов и Фрейд) сопоставляются и так далее. Разные позиции возможны. Это просто факт. Пусть будет бахтинская полифония. Только не будем забывать, что когда Бахтин, например, говорит о великом явлении карнавализации, то уточняет, что есть мировое культурное явление, а есть богемная карнавализация, сводимая, по сути, к идеологическим репликам. Нам с Михаилом Александровичем довелось участвовать в Бахтинских чтениях, и один известный бахтиновед как раз очень скептически оценивал многие тенденции освоения творческого наследия Бахтина. Разнообразие же в восприятии тех или иных фигур и проблем в истории философии всегда было и будет. Задача историка философии не в том, чтобы предложить набор единственно верных ответов, а в том, чтобы углубить понимание, расширить его горизонты.

М.А. Маслин. Я хотел кое-что добавить. В России в Институте философии под эгидой ЮНЕСКО в 2012 г. состоялся Всемирный день философии. И на секции по истории философии прекрасно выступил наш маститый историк преимущественно западной философии Эрих Юрьевич Соловьев, который неожиданно в качестве метафоры прибегнул к рассмотрению творчества Николая Федоровича Федорова. Он опирался на две метафоры: философия как метафора театра и философия как метафора музея. Федоров высшим очагом интеллектуальной культуры считал музей, и по его мысли, философ должен быть существом музееобразным. В противоположность той философии, к которой применима метафора театра. Философия как театр не созидает, она разрушает. То, чем занимается постмодернизм, и является деконструкцией, разрушением. А идея Федорова о том, чтобы философ был существом музееобразным, заслуживает высшего внимания. На этом мы с Эрихом Юрьевичем полностью солидаризировались, так запад и восток сошлись.

Ю.В. Синеокая. Спасибо большое. Может быть, есть еще какие-то вопросы и реплики?

Вопрос. Вопрос Михаилу Александровичу, отчасти Вячеславу Владимировичу. Что для вас есть русская философия? Можно ли очертить какие-то границы? Вячеслав Владимирович, вот Юлия Владимировна говорила про российскую философию и отечественную – можно ли очертить границы?

В.В. Сербиненко. В узком смысле вопрос касается названия кафедр: у нас «история отечественной философии», у Михаила Александровича – «русской философии». Ну, если мы считаем, что все судьба, то название «отечественная философия» так и возникло, судьба такая... Если же мы считаем, что все случайно, значит, так случилось, мы не выбирали это название, но должен сказать, что в современном контексте – оно очень достойное.

М.А. Маслин. Я часто при ответе на вопрос «что такое русская философия?» прибегаю к определению Бориса Петровича Вышеславцева, автора замечательного текста, который называется «Вечное в русской философии». Он буквально пишет о том, что нет никакой ни на что не похожей русской философии, именно потому что все ее основные вопросы являются вопросами мировой философии. Но способ их решения глубоко своеобразен. Поэтому неправы те авторы, которые хотят найти какие-то небывалые темы, небывалые проблемы в русской философии, которых не существовало бы в других философиях, инациональных по отношению к русской. Даже не вполне прав и Зеньковский, автор широко известного двухтомника, когда утверждал, что русская философия антропоцентрична, историософична и социально привержена. Но разве французская философия не историософична? Кто ввел термин «философия истории»? Вольтер. А что, немецкая философия не антропоцентрична? Автором философской антропологии является Макс Шеллер. И так далее. Не из каких-то особых проблем выводится своеобразие русской философии, а из своеобразного решения универсальных философских проблем. Русская философия находится по отношению к социокультурной реальности, в которой она возникла, в состоянии детерминированности, обусловленности. Она вторична по отношению к реальности, впечатляющей реальности, которая не может сама себя озвучить. Россия не может говорить сама за себя, она молчит, а история философии говорит за нее. Это, кстати, не совсем моя мысль, а мысль известных итальянских популяризаторов истории философии Дж. Реале и Д. Антисери. Они говорят во введении к своей книге, что всякий философ вообще интересен не только тем, что он написал, но и тем, о чем он молчит. То есть традицией, которой философ дает начало.

Но ни один философ, даже самый великий, не мог сказать: «я основал традицию». Это выявляется уже потом, это историки философии говорят, что имярек основал традицию. И вот то, что я называю историко-философским россиеведением, является ответом в виде «озвучивания» той впечатляющей реальности, которая называется Россией. Это, конечно, не полный ответ, но это один из ответов.

Ю.В. Синеокая. Спасибо большое. Боюсь, что у нас есть время еще только на один вопрос.

Вопрос. Вопрос к Михаилу Александровичу. Есть ли какое-то особое место еврейского вопроса в русской философии?

М.А. Маслин. Есть, конечно. «Да будь благословен русский! Да будь благословен и еврей». Кто сказал? Сказал Василий Васильевич Розанов. Который всю жизнь испытывал зависть к еврейскому народу, поскольку у евреев на столь большой высоте культ семьи, деторождения, всего, что связано с семейственностью, с полом – он буквально был захвачен всем, что связано с еврейским бытом. Завидовал! И завидовал, например, Михаилу Осиповичу Гершензону, потому что вот русские не написали ничего, не издали ничего о Киреевском, о Чаадаеве, а Гершензон взял и издал два тома Киреевского и два тома Чаадаева.

В.В. Сербиненко. Ну, в конце жизни Розанов проходит через свое последнее увлечение – Древним Египтом.

М.А. Маслин. Это да. Это его и разорило. Он собирался издать книгу о древнем Египте, это был его последний масштабный проект, который его разорил. Этнические евреи действительно играли большую роль в истории русской философской мысли. Семен Франк был православным, а вот Лев Шестов не был православным. Но и не был особенным иудеем, он был сам по себе. В целом же для русской философии более чем характерна полиэтничность. Напомню о том, что основателем панславизма был Юрий Крижанич, хорват, это XVII в.. К сожалению, в новых независимых государствах Прибалтики, образовавшихся после распада СССР, забывают о вкладе русских мыслителей в развитие национальных нерусских культур.

В.В. Сербиненко. Допустим, Карсавина они не забывают.

М.А. Маслин. Действительно, первым литовским философом европейского масштаба был Лев Платонович Карсавин. Который, как известно, читал лекции по-литовски, изучил этот трудный язык и написал по-литовски историю западной культуры. Вадим Валерьевич Васильев, заведующий кафедрой истории зарубежной философии в МГУ, отыскал редкую книгу, изданную по-немецки в 1790 г., автором которой был некий Передумин Колыванов. Впоследствии Васильев перевел эту замечательную книгу на русский язык. Поначалу он считал автором книги князя Андрея Ивановича Вяземского, отца поэта Петра Андреевича Вяземского. Последнее, к чему он пришел, заключается в том, что автором книги «Размышления о человеческом духе и его отношении к миру», был некий русский немец по фамилии Фельдштраух. Он и скрывался под псевдонимом Передумин Колыванов.

Ю.В. Синеокая. Спасибо большое, Вячеслав Владимирович, Михаил Александрович, Владимир за нужный и интересный разговор.

Список литературы

- Бахтин М.М.* Беседы с В.Д. Дувакиным. М.: Согласие, 2002. 398 с.
 Россия и Азия. Векторы цивилизационного развития. Четвертый форум «Бердяевские чтения». М.: Фонд ИСЭПИ, 2015. 288 с. (Тетради по консерватизму. № 5.)
Шпидлик Т. Русская идея: иное видение человека / Пер. с фр. В. Зелинского, Н. Костомаровой. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. 462 с.

Russian philosophy in Russia and abroad

Mikhail Maslin

Lomonosov Moscow State University. 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: rf@philos.msu.ru

Vladimir Medenitsa

Logos Publishers. 11/11 Čingrijina, Belgrade, 11000, Serbia; e-mail: vladivirmedenica@yahoo.com

Vyacheslav Serbinenko

Russian State University for the Humanities. 6 Miusskaya sq., Moscow, GSP-3, 125993, Russian Federation; e-mail: v.v.serbinenko@gmail.com

Yuliya Sineokaya

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: sineokaya@iph.ras.ru

Scholars participating in the panel discussion attempted to answer such questions as What is the ‘Russian’ in Russian philosophy? What are the main problems of Russian philosophy? What is specifically national in Russian philosophical thinking? What languages are the languages of Russian philosophy, beside Russian? What attitude the Russian philosophy has toward the philosophy of West and East? Why Russian philosophy is so popular in the Slavic world? What is the possible significance of Russian philosophical ideas for today?

Keywords: Russian philosophy, philosophy in Russia, ‘national philosophy’, history of philosophy, national and cultural identity, Russian studies

References

- Bakhtin, M.M. *Besedy s V.D. Duvakinym* [Conversations with V.D. Duvakin]. Moscow: Soglasie Publ., 2002. 398 pp. (In Russian)
Rossiya i Aziya. Vektory tsivilizatsionnogo razvitiya. Chetvertyi forum “Berdyayevskie chteniya” [Russia and Asia. Tendencies of civilization development. The fourth forum “Berdyayev readings”]. Moscow: ISEPI Foundation Publ., 2015. 288 pp. (Tetrad po konservatizmu, No. 5) (In Russian)
 Shpidlik, T. *Russkaya ideya: inoe videnie cheloveka* [The Russian idea: a different vision of human], trans. by V. Zelinskii and N. Kostomarova. St.Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 2006. 462 pp. (In Russian)